ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 364:94(37/38)

А.А. Быков

ЗАРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается проблема происхождения христианской благотворительности, ее истоки и принципы, а также влияние на ее развитие античной цивилизации.

Ключевые слова: христианство; благотворительность; античная цивилизация.

Христианство появилось в I в. н.э. в рамках огромной Римской империи, простиравшейся от Евфрата до Атлантики и от Британии до пустыни Сахара. Ни до, ни после не было государства, сумевшего сделать Средиземное море своим внутренним. Отметим и очень разнородный этнорелигиозный состав этой великой империи, что, бесспорно, имело значение для последующего господства христианства. Смогло бы христианство после столетий борьбы победить другие религии в относительно однородном греко-римском религиозном пространстве? Вряд ли. Или намного позднее. Вспомним попытки реанимации умирающего античного мира римским императором Юлианом Отступником (361–363 гг.), или ностальгическую любовь римских сенаторов к своим языческим богам даже в V в. н.э. Античный мир сопротивлялся новой религии достаточно долго, но как мы увидим, не хотел признавать своего же «сумрачного и аскетичного ребенка», который мешал жить по-прежнему, весело и беззаботно с одной ценностью – гедонизмом.

Однако в свое время возник вопрос: почему же христианство победило и стало доминирующей конфессией Римской империи в IV в.? Интересен вопрос и о роли собственно античной культуры в этом процессе, тем более что христианские авторы эту роль не признают либо стараются сильно преуменьшить (в частности, по поводу происхождения интересующей нас благотворительности).

Ф.Ф. Зелинский, один из глубоких знатоков Античности, в своем классическом труде «История античных религий» анализирует подготовленность языческого мира к восприятию христианства (в чем он был абсолютно уверен). Эта подготовленность обусловлена тремя факторами:

- 1) развитием языческой религии;
- 2) развитием философской спекуляции;
- 3) развитием науки.

Конечно, важной предпосылкой было состояние религиозного сознания. По мнению Ф.Ф. Зелинского, если «...явная греческая религия находилась в состоянии разложения и поэтому особенно сильного препятствия не представляла, то, наоборот, тайная религия мистерии (не столько, впрочем, элевсинских, сколько орфических) пользовалась широкой популярностью; но она же в значительной степени предвляла христианство и этим шла ему навстречу» [1. С. 405].

Главное в орфизме – это миф о страждущем боге – спасителе, Дионисе Загрее, растерзанном титанами, и миф о воскресении (Эвридики – Орфеем). Этот культ

внимания верующих (в противоположность явной религии с ее несбыточным догматом о восстановлении справедливости на земле) направлял на загробную жизнь, суля вечное блаженство – добрым, наказания, вечные и временные – злым, и развивая практику постов, омовений и очищений, посредством которых человек во время земной жизни мог подготовить себе лучшую участь по ту сторону смерти [1. С. 406].

Римское многобожие в противоположность греческому отличалось полной неопределенностью, качественной и количественной, и было поэтому склонно к интеграции, результатом которой должно было быть поклонение одному всеобъемлющему божеству. В данную эпоху таким божеством старались сделать «гения» царствующего дома (это было, в принципе, далеко не тождественно с обоготворением самого императора, но на практике часто сводилось к нему), что предвляло в одно и то же время два догмата христианской религии: во-первых, ее монотеизм; во-вторых, ее учение о Богочеловеке. Что касается последнего пункта, то можно сказать, что именно благодаря ему христианство стало столь естественной религией греко-римской культуры, как оно было несовместимо с иудаизмом [Там же. С. 407].

Позиция другого ученого Aube отчасти совпадает с позицией Ф.Ф. Зелинского. Он считал, что религия Римской империи слишком мало была дидактичной; она не имела догматов, строго сформулированных, вероучения, заключенного в катехизис, что и предопределило ее замену христианством [2. С. 11].

Отметим, что и восточные культы, проникающие на территорию Римской империи (Митра Непобедимый, Великая мать Идейская Изиды, каппадокийская Ма или Беллона), были близки к монотеизму. Стремление к единобожию становится главной тенденцией религиозного мышления и творчества первых веков новой эры.

Однако путь христианства к полному доминированию в Римской империи был весьма тернист, как, впрочем, и жизнь самого Иисуса Христа. До сих пор представляет интерес дихотомическая связка проблем: гонения на христиан и религиозная толерантность. Эти проблемы отчасти связаны и с поддержкой духовной и материальной в рамках христианских общин.

Мнения по поводу вышеназванных проблем сильно расходятся. Aube считал, что «Рим отличался религиозной толерантностью, самого понятия преступления против религии не существовало, не было поэтому и понятия преследования за веру; власть уважала индивидуальную совесть и предоставляла ей весьма широ-

кие льготы; при свободе совести не было особого трибунала, карающего за мнения, потому что *coqitationis roenam nemo patitur*; карались не мнения, а дела. Потому-то не только в I в. не было издано указов против христиан, но и во II в. Даже рескрипт Траяна был не против христиан, а только по делу христиан [Там же].

Э. Ренан не менее категоричен: «Свобода мысли была абсолютна. От Нерона до Константина ни один мыслитель, ни один ученый не подвергался стеснениям в своей работе... всем культам, которые сами были терпимы к другим, жилось очень свободно в империи; причина же исключительного положения христианства и ранее его, иудаизма, заключалась в их нетерпимости» [3. С. 39].

А. Донини, видный итальянский религиовед, считал, что религиозная терпимость Рима – это миф [4. С. 171]. Однако А. Донини очень осторожный в научном плане и объективный ученый. «Гонения были и продолжались до начала IV в., даже если число жертв было не столь велико, как хотят думать. Важнее объяснить их причины, нежели установить их пропорции» [Там же. С. 77]. К таким причинам в первую очередь относится социально-политический климат эпохи. Бесспорно, что «апокалиптическая литература, по происхождению иудаистская, а позже христианская, никогда не была очень благосклонной по отношению к римским властям. От книги Притчей Соломоновых до книги Еноха, от приписываемых александрийскими иудеями Сивилле Эритрейской пророчеств до рукописей Мертвого моря, вплоть до прямого и открытого призыва к ненависти в откровении Иоанна (Апокалипсисе) отвращение к Риму и его господству проявляется явно и неопровержимо» [Там же. С. 177–178].

Римские власти знали об этом и, в свою очередь, относились к христианам с подозрением и даже с отвращением, считая христианство «пагубным суевением» (Тацит «Анналы», XV, 44). Впрочем, репрессии обрушивались не только на христиан, но также и на апологетов любых культов, которые вызывали подозрения в подрыве безопасности страны и общественного спокойствия. Однако защита безопасности государства, как и общественной стабильности, – естественная функция любого режима власти.

В работе Амброджо Донини «У истоков христианства» есть любопытный фрагмент: «Домициан стоит на втором месте в списке императоров, якобы преследовавших христиан. Против него церковная традиция всегда была настроена очень злобно, вплоть до того, что Домициана именовали “ожившим Нероном”» [Там же. С. 182]. Удивляет слово «якобы». Складывается впечатление, что итальянский ученый сомневается в «страшных гонениях» на христиан.

Тем не менее проблемы у христианских общин с римской администрацией существовали, в чем они нередко были и сами не безгрешны. Истина, как известно, лежит посередине. Но нас данный сюжет интересует в плане сплочения христиан, усиления их солидарности, создания (а где-то и заимствования) форм взаимоподдержки и благотворительных начал.

Давление на христиан усиливало жесткость границ референтной группы. Поэтому христиане стремились помогать всем своим единоверцам или тем, кто выда-

вал себя за таковых. Об этом писал античный автор, очевидец событий Лукиан Самосатский: «Христиане проявляют невероятную быстроту действий, когда случится происшествие, касающееся всей общины, и прямо-таки ничего не жалеют. Поэтому к Перегрину от них поступали значительные денежные средства ввиду его заключения в тюрьме, которое превратилось для него в хороший источник доходов. ...Так вот, когда к ним приходит обманщик, мастер своего дела, умеющий использовать обстоятельства – он скоро делается весьма богатым, издеваясь над простецами» [5. С. 297]. В дальнейшем потенциал помощи своим сильно возрос, благодаря тому что «своих», по крайней мере, в восточных провинциях империи, стало большинство населения, и это вполне объяснимо.

Ф.Ф. Зелинский выделял факторы, ускорившие объединения античных народов под знаменем креста: их политическая объединенность под сенью римской власти; внешнеполитическая организация населения; роль еврейства и еврейского прозелетизма в Римской империи; социальные кризисы и пауперизм [1. С. 410].

Патриотизм, который раньше привязывал человека к его национальным богам, мало-помалу испарился, а с исчезновением обаяния национальных религий увеличивалась потребность в такой, которая бы обращалась к человеку безотносительно к его национальной и племенной квалификации. Если грек льнул к Зевсу, римлянин – к Юпитеру, египтянин – к Изиде, то «человек как таковой мог признавать только “бога” как такового». Именно такого бога (*Theos Deus*) давала ему христианская религия. Итак, политический космополитизм подготовил космополитизм религиозный [Там же. С. 411].

Отметим еще несколько важных обстоятельств, которые также сыграли определенную роль в конституировании христианства как доминирующей конфессии. Римская империя включала в себя почти всю известную тогда ойкумену и обеспечивала защиту ее границ. Мир и порядок способствовали культурному обмену (метаболизму), и христианство постепенно отходит от «жизни еврейской» [3. С. 318], впитывая полезный опыт богатейших социальных практик античной цивилизации.

Другим важным обстоятельством был законодательный акт императора Каракаллы (188–217 гг.) – в 212 г. он даровал права римского гражданства всему свободному населению Империи, правда, исключительно в финансовых целях (граждане обязаны были платить налоги) [6. С. 332]. Тем не менее христиане стали равными тем же италикам и их интеграция в римский социум, надо полагать, усилилась. Возросли и финансовые возможности христианских общин в оказании благотворительной помощи единоверцам, что опять же способствовало вовлечению новых членов.

Однако, помимо социума Римской империи, античной культуры, к которым мы еще вернемся, существовал еще один очень важный источник христианской благотворительности – это иудейская традиция, запечатленная в Ветхом Завете Библии.

Библия представляет собой собрание книг, которые, согласно иудейской и христианской религиям, считаются Священными Писаниями божественного происхождения, сводом основных законов веры и морали.

Иудейская и христианская Библия не совпадают. Священное Писание евреев сложилось до нашей эры на основе культов Древнего Израиля и Древней Иудеи, в то время как христианское учение возникло в эпоху разложения рабовладельческого строя. Иудеи не канонизировали книги, изданные в христианскую эпоху, в то время как христиане почитают написанные евреями книги за Священное Писание, что имеет значение для нашего исследования.

Итак, Библия состоит из двух частей: еврейской Библии, обычно называемой христианами Ветхим заветом, и исключительно христианских книг, объединенных под названием Новый Завет.

Итак, обратимся к Ветхому Завету как одному из источников христианской благотворительности. Ветхозаветная этика определяла благотворительность как важное почти сакральное деяние: «...к бедному ты будь снисходителен и милостыню ему не медли; ради заповеди помощи бедному и в нужде его не отпускай его ни с чем. Трать серебро для брата и друга и не давай ему заржаветь под камнем на погибель; располагай сокровищем твоим по заповеди Всевышнего и оно принесет тебе более пользы, нежели золото; заключи в кладовых твоих милостыню, и она избавит тебя от всякого несчастья» (Сир. 29.11-15; здесь и далее см. [7]).

В Ветхом Завете встречаются указания на все традиционные виды благотворительности, которые позднее вошли в христианскую благотворительную нормативную систему. Одним из таких видов значится помощь родственникам: «Если брат твой бедней и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришлец ли он, или поселенец, чтобы он жил с тобою» (Лев. 25.35).

Еще одна категория благополучателей появилась позднее и связана с социальным расслоением. Это нищие, которым в Ветхом Завете уделяется достаточно много внимания: «Ибо нищие всегда будут среди земли твоей; поэтому я и повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (Втор. 15.11); некоторые советы по поводу нищих даются в этой же главе (Втор. 15.7-10).

Однако мало помогать бедным, необходимо их и защищать перед сильными мира сего и просто от дурных людей: «Открывай уста твои для правосудия и для дела бедного и нищего» (Притч. 31.9).

«Открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот» (Притч. 31.8). Поддержка сирот и вдов – еще один вид благотворительности, отраженный в этических установках Ветхого Завета. Благословения погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы доставлял я радость (Иов 29.13). В книге Иова есть и другие фрагменты, посвященные вдовам и сиротам (Иов 29.12; 31.16–17).

В христианство перешла еще одна практическая установка – «накорми голодного». «Разделяй с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от одинокровного твоего не укрывайся» (Ис. 58.7).

В пророческих речах присутствуют возвышенные и в то же время экзистенциально мудрые высказывания: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою» (Притч. 25.21). Лучше быть добрым к врагу, попавшему в беду, и сделать из

него друга, чем плодить врагов. В тексте Ветхого Завета упоминается и необходимость заботы об узниках (Ис. 58.6; 61.1).

Тем не менее перечисление видов благотворительной деятельности – это еще не все наследие Ветхого Завета. В книге пророка Даниила говорится о прощении грехов, что позднее стало одной из важнейших заповедей христианства; «Посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой; искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот, чем может продлиться мир твой» (Дан. 4.24), т.е. человеку благотворительному было обещано прощение его грехов, что до сих пор является христианской традицией.

Таковы ветхозаветные истоки христианской благотворительности, которые были в дальнейшем развиты в книгах Нового завета, в Посланиях и деяниях апостолов в Didascalia Apostolorum и других трудах более поздних античных христианских авторов. «Но Вы любите врагов ваших, и благодарите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет Вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо он благ к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6.36).

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5.7), «Христос осудил тех, кто отказал в помощи ближнему» (Мф. 25.31-46).

Христианская благотворительность – это добровольная забота о тех, кто нуждается в поддержке, защите; помощь вещами, деньгами, едой, советом, трудом и просто сочувствием, умением выслушать человека попавшего в беду. «Надобно поддерживать слабых и помнить слова Господа Иисуса, ибо он вам сказал: “Блаженны давать, нежели принимать”» (Деян. 20.35).

Всякая благотворительность ценна, если совершается от полноты веры и любви: и две лепты вдовицы (Мк. 12.42-44), и чаша воды, поданная жаждущему (Мф. 10.42). Истинный благотворитель поделится последним, дабы исполнить свой долг христианина.

Центральное место в христианских текстах уделяется милостыне, т.е. различным видам материальной поддержки. В евангелиях даются строгие указания по поводу различных аспектов подачи милостыни, на самом деле очень непростого феномена: «Всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад» (Лк. 6.30), «и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6.31).

Как мы видим в дальнейшем, не все авторы раннего христианства разделяли принцип «слепой» раздачи милостыни. Тем не менее в отношении благотворительных дел как «ярмарки тщеславия» никаких расхождений нет. «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф. 6.1). Итак, «...когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою» (Мф. 6.2). Искренние благодеяния не занимают поиском светской славы, людской похвалы, наград от власти.

Таковы нравственные установки Нового Завета, позднее развитые в Посланиях Апостолов, Didascalia Apostolorum (Апостольских Постановлениях), трудах святителей. «Будем же прощать грехи ближних, будем

творить милостыню, будем смиренными», – писал Иоанн Златоуст [8. С. 840].

Постепенно в лоне церкви формируются принципы служения ближним. Церковная благотворительность эволюционирует и превращается в достаточно строгую систему социального служения.

Одним из первых принципов христианской благотворительности следует считать равномерность [9]. Слова Христа и невозможности богатому войти в Царство Небесное ранняя церковь понимает как призыв к добровольной бедности, а богатство видится непреодолимым препятствием для осуществления заповедей Нового завета. Искренне понимая слова Спасителя, первые христиане отдают свое имущество в пользу нуждающихся единоверцев: «Иди, изтреби лесныя тернии сребролюбия, продажд имение твое, и наполни плодами сердце твое подая нищим, и имение имаши сокровище на небеси» [10. С. 521]. Однако был еще один фактор, влияющий на поведение ранних христиан, – социальный состав верующих, как правило, в основном бедных. Позднее появились и богатые, да и бедность – понятие относительное. Поэтому у апостола Павла звучит призыв к разумной равномерности в распределении средств: «Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не потому чего не имеет. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность. Ныне ваш избыток в восполнении их недостатка; а после их избыток в восполнении вашего недостатка, чтобы была равномерность» (2 Кор. 8:12-14).

Важен был и принцип добровольности. Апостол Павел говорил: «Каждый уделяет по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо добродетельно дающего любит Бог» (2 Кор. 9:7). «...Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2 Кор. 9:6). Благодетель должен жертвовать искренне и получать от своего деяния удовлетворение. Августин в XIII книге пишет об удовольствии и пользе, происходящей от благодеяний, оказываемых ближнему: «Ибо в подающих не сие даяние плод есть, но сие есть плод, с каким намерением оно дают» [10. С. 539]. Иоанн Златоуст, рефлексировав по поводу мотивации подающих, пишет, что «от нас... требуется не изобилие, а усердие» [8. С. 656], т.е. дело не в щедрости, а в искренности и возможностях благотворителя. Подавать обильно могли люди преступные и развратные, замаливая грехи, о чем, ясно сказано в *Didascalia Apostolorum*, но об этом речь пойдет ниже. Итак, добровольность, искренность, усердие при оказании помощи ближним отражали глубинные интенции христианства, но они вольно-невольно имели практический смысл – вовлечение новых членов в христианские общины и уменьшение количества язычников и в конечном счете успешность распространения Евангелия.

На эту цель работал и принцип распределения средств в соответствии с потребностями нуждающихся. «Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2:44-45).

В Апостольских Постановлениях (*Didascalia Apostolorum*) особо подчеркивается роль епископа в распределении благ и описываются моральные каче-

ства, которыми он должен располагать. «Его рука должна быть открытой к деянью, он должен любить сирот и вдовиц, бедных и странных, должен быть неутомимым и не должен знать никакого (ложного) страха; должен знать, кто достоин получать милостыню» (*Constitutiones Apostolorum* – CA 2, 5; здесь и далее см. [11]), т.е. в соответствии с нуждаемостью.

Епископ обязан «теми дарами, которые приносятся подчиненным вам народом, содержать диаконов, вдов и сирот, нуждающихся и странных» (CA 2, 25). «...Епископ хорошо знает тех, кои находятся в нужде и каждому уделяет столько, сколько ему надлежит, дабы кто-либо в один и тот же день или одну и ту же неделю не получил бы несколько раз, а другой – ни разу» (CA 2, 27).

Итак, при раздаче пожертвований учитывались причины бедности, пол, возраст, состояние здоровья, количество иждивенцев, в какой семье вырос. Поэтому одни бедные получали полное содержание, а другие, способные хотя бы как-то работать, – частичное. Подчеркивается святость помощи прежде всего сиротам и вдовам: «Пресвитер должен быть для вас вместо апостолов; вдовы и сироты да почитаются вами подобно алтарю» (CA 2, 27).

Складывается впечатление, что именно в *Didascalia Apostolorum* впервые изложен принцип адресности при оказании помощи нуждающимся, столь популярный и основополагающий в современной социальной работе. Античные епископы не только знали, но и использовали данный принцип в практической деятельности, тем более что *Didascalia Apostolorum* – достаточно жесткий нормативный документ, своеобразный «путеводитель» по жизни для ранних христиан, указания которого следовало строго выполнять.

В Апостольских Постановлениях упоминается еще один принцип помощи ближним – нелицеприятие или, как его стали называть позднее в России, «слепая» раздача милостыни. Бесспорно, это самый противоречивый принцип, отношение к которому как со стороны святителей, так и рядовых верующих было весьма неоднозначно.

Ссылаясь на слова Христа «Всякому просящему у тебя дай» (Мф. 5:42); «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6:3), Церковь предостерегает от чрезмерной разборчивости и излишнего любопытства при подаении милостыни. Иоанн Златоуст подводит достаточно сильное обоснование для сознания верующего человека, после которого отпадает всякое желание устраивать разборки нищих: «...пока еще продолжается торг, купим милостыни, или вернее – чрез милостыню купим спасение. Христа одеваешь ты, одевая бедного» [8. С. 660]. И далее: «...в бедности скрывается Бог; бедняк протягивает руку, а принимает Бог. Когда случится с тобою какое-нибудь горе, подай скорее милостыню; возблагодари за то, что оно случилось, и ты увидишь какая найдет на тебя радость» [Там же. С. 665].

И. Златоуст фактически оправдывает хитрые уловки нищих: «Но для чего, скажешь, они обнажают изуверенные члены? Из-за тебя; если бы мы были сострадательны, им не было бы нужды прибегать к таким средствам, если бы они с первого раза склонялись к милосердию, то не употребляли бы столько хитростей»

[8. С. 669]. Из данных рассуждений святителя вполне логично вытекает совет: «Так и ты не любопытствуй, потому что ты принимаешь ради Христа; а если станешь всегда с точностью разузнавать, то часто пройдешь мимо и достойного уважения мужа, и погубишь награду, которую имел бы за это». И. Златоуст призывает не разбираться и с этноконфессиональной принадлежностью нищих: «Он Божий, будет ли то эллин, или иудей, достаточно, что он нуждается в помощи» [8. С. 671]. Любопытно, что в Послании к галатам апостол Павел пишет: Итак, доколе есть время будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Гал. 6.10). Разница в установках объясняется конкретными историческими реалиями. В I в. Anno domini (от Рождества Христова) христиан еще было немного и средствами они располагали более скудными. Отсюда и акцент на помощь единоверцам. В конце IV – начале V вв. в эпоху Иоанна Златоуста картина прямо противоположная – христианство стало доминирующей религией в Римской империи со всеми вытекающими последствиями.

И. Златоусту принадлежит в высшей степени гуманистическая фраза «Подлинно великая вещь – человек, и драгоценная – муж милостивый» [Там же. С. 669]. Добавим, готовый раздавать милостыню «всякому просящему».

Однако не все святители разделяли эту установку. Так Василий Великий учил: «Кто дает милостыню бродягам и развратным, тот бросает деньги псам» [12. С. 186]. Амброждо Донини приводит почти конформистский афоризм, которого нет в евангелиях, но который известен не только из Апостольских Постановлений («Учение апостолов»), но и из сочинений св. Августина, Кассиодора, Григория Великого и св. Бернарда: «Пусть милостыня прежде увлажнится потом в твоих руках, прежде чем ты поймешь, кому ее подать» [4. С. 113].

В Апостольских Постановлениях, которые представляют собой нормативный документ, регулирующий жизнь христианских общин, очень жестко как раз отставляется избирательность, разборчивость при даянии милостыни: «Достойны осуждения принимающие милостыню, не нуждаясь в ней. Горе имеющим и обманом (милостыню) принимающим или могущим помогать себе и получающим милостыню, ибо каждый из тех, кто принимает, должен дать отчет Господу Богу в день суда о том, как он принимал» (СА 4, 3). В дальнейшем жесткость суждений только усиливается: «А имеющие и принимающие милостыню обманом и хитростью или, с другой стороны, ленивые, которые вместо того, чтобы работать и помогать другим сами принимают, те будут привлечены к ответу за то, что они принимают, так как они отягощают положение бедных верующих. ...Ибо кто имеет и обманом получает, тот верует не в Бога, а в незаконную мамону и ради несправедливой наживы начинает говорить лицемерно и полон неверия. Таковому грозит опасность уподобиться неверующим» (СА 4, 3). Эти цитаты в особых комментариях не нуждаются.

Церковь развивалась как живой организм, через болезни роста, противоречия, отражаемые в диспутах, латентную борьбу группировок, столкновения непримиримых позиций авторитетных клириков, каждый из которых был фанатично уверен в своей истине.

Тем не менее отметим позицию автора Апостольских Постановлений (имя автора до сих пор точно не

известно). Он явно отличался дальновидностью и мог прогнозировать дальнейший ход событий при полной реализации принципа нелицеприятия (неразборчивой, «слепой», милостыни). Но в дальнейшем, в Средние века, Новое время, этот принцип доминировал и фактически породил целый класс профессиональных нищих, с которыми правительства европейских стран вели порой жестокую борьбу, особенно в Англии, а в России это противодействие, как правило, безуспешное, завершилось только в 1917 г. с приходом к власти большевиков. Как это ни странно, но теоретики молодого Советского государства исповедовали принцип «кто не работает, тот не ест», четко сформулированный в Апостольских Постановлениях в начале III в. н.э. Но это уже другая история.

Итак, вернемся в эпоху раннего христианства. В Апостольских Постановлениях содержится еще один важный принцип благотворительности – всеохватность и целесообразность.

Епископы обязаны были распределять пособия наиболее нуждающимся, однако с серьезными ограничениями: «...а если там есть мужчина неумеренный, преданный пьянству, или ленивый и, вследствие этого, нуждающийся в самом необходимом для поддержки тела – таковой не достоин ни милостыни, ни церкви» (СА 2, 5). «Итак, будьте во всякие времена деятельны, ибо не исправимым позором является праздность. Таким образом, кто у вас не трудится, тот не должен есть, ибо ленивых ненавидит Господь Бог, ленивец не может быть верующим» (СА 2, 63). Использование данного принципа на практике позволяло элиминировать из категорий, получающих пособие праздных (ленивых) и аддиктов. Целесообразность заключалась в выделении тех категорий и конкретных людей, которые реально нуждались в помощи. Епископы должны были «...о сиротах печись как родители, о вдовицах как мужья, взрослых сочетать браком, ремесленнику доставлять работу, страннику кров, алчущим пищу, нагим одежду, болящим посещения, заключенным вспоможения» (Апост. Пост. IV, 2). В соответствии с этим правом, девушку из числа сирот, достигшую брачного возраста, епископы обязаны были выдать замуж, а мальчика-сироту снабдить средствами, чтобы он мог научиться ремеслу и стал сам себя кормить. Если мальчик успешно овладевал азами какого-либо ремесла, то он получал «...вознаграждение, приличествующее его ремеслу, чтобы он мог достать инструменты, необходимые в ремесле, дабы не сделаться тягостным для любви братьев. ...И воистину блажен тот кто может помогать себе и не отягощать положение сирот, вдов и странных» (СА 4, 2–3). Подобные установки сильно напоминают протестантские Нового времени, впрочем, они и сейчас актуальны в рамках социальной работы.

Как видим, помимо помощи чисто материальной и денежной, епископы занимались предоставлением работы, способствовали обучению ремеслу, устраивали по возможности и личную жизнь. Такая тотальность социального служения распространялась и на некоторые другие категории нуждающихся: престарелых верующих, потерпевших кораблекрушение, сосланных на рудники и острова, заключенных в темницы (Евр. 13.3), но если все это случилось ради Христовой

веры, т.е. на гонимых за веру. Еще одна любопытная категория – замужняя женщина, но обедневшая, обремененная детьми, болезнями, даже предпочиталась вдове (Апост. Пост. II, 4).

Таким образом, установки служения ближним, содержащиеся в Апостольских Постановлениях, свидетельствуют о стремлении к всеохватности практически всех нуждающихся в различных видах помощи или, по крайней мере, обратившихся за поддержкой, либо замеченных епископом, пресвитерами и добровольными помощниками. Желавших было больше, но здесь уже действовал принцип целесообразности.

Кроме вышеназванных принципов, действовало еще одно в высшей степени нравственное правило – чистота дара.

Епископы должны были наблюдать за достоинством благотворителя и чистотой («правостью») его дара. Они должны были исследовать образ жизни жертвователя или жертвовательницы (СА 4, 5). Очень точно принцип «чистоты дара» и дух Апостольских Постановлений передает следующая выдержка: «Но если есть епископы, которые пренебрегают этим и не заботятся о таких вещах из лицемерия, или ради несправедливой наживы, или потому, что нерадивы и не производят расследования, то таковые должны дать отчет, а это нелегко. Для доставления содержания сиротам и вдовам принимают от богатей, держащих людей в темнице, или плохо обращающихся со своими слугами, или действующими жестоко в своих городах, или угнетающим бедных, или от достойных призрения, или от таких, которые постыдно злоупотребляют своим телом...» (СА 4, 5–6). Перечень таких довольно велик. Дальше следует фраза, достойная уст апостолов: «Но если церкви так бедны, что нуждающиеся должны быть питаемы подобными людьми, то было бы лучше для вас умереть с голоду, чем принимать от злых» (СА 4, 9–10).

Итак, ранняя христианская благотворительность опиралась на идеал служения ближним и исповедовала следующие принципы: равномерность, добровольность, распределение средств в соответствии с нуждами, нелицеприятие (с большими оговорками), всеохватности и целесообразности чистоты дара.

Благотворительность не сводилась только к предоставлению пищи, денег, одежды, но нуждающимся подыскивали работу, устраивали их семейную жизнь, воспитывали с детства. Воспитание имело две ярко выраженные цели: во-первых, вывести человека из безвыходного нравственного и психологического состояния, к которому привела нищета. Необходимо было повысить его адаптивный потенциал, воспитать способность к самоорганизации и самопомощи. Это и сейчас актуально в теории и практике социальной работы. Во-вторых, воспитать детей в духе любви к ближнему, т.е. воспроизводить новые поколения благотворителей. Эта цель рассчитана на перспективу и несет в себе явный экзистенциальный смысл.

Христианская благотворительность, ее всеохватность, даже нелицеприятие сыграли не последнюю роль в росте популярности новой религии и в конечном счете ее победе в Римской империи.

Первый пример массовой христианской благотворительности – помощь голодающим в Палестине из

Антиохии, Греции и Македонии в I в. н.э. В IV в. в Римской империи создаются богоугодные заведения. Однако милостыня остается главным видом благотворительности.

Христиане строго следовали установке, о которой Иоанн Златоуст писал: «Всякий раз, когда мы не будем совершать милостыни, мы будем наказаны как грабители» [13. С. 56]. Отметим и гостеприимство оказываемое приезжим членам других общин: «Эта забота была главным фактором в образовании единой христианской церкви» [1. С. 424].

Тем не менее, как это ни странно звучит, проблема происхождения христианской благотворительности остается не вполне ясной, имплицитной. Очевидно, что одним из истоков этого феномена является Ветхий Завет. Иисус Христос, отцы церкви, более поздние христианские авторы очень хорошо знали изречения иудейских пророков и охотно их цитировали. Но возникает вопрос о влиянии греко-римской культуры и гигантского социума Римской империи на происхождение и генезис христианской благотворительности. А оно, несомненно, было, несмотря на враждебные отношения римлян к новой религии.

Вряд ли утонченным римлянам мог понравиться призыв «Кто хочет итти за мною... отвергни себя и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мрк. 8.34). Здесь мы видим основу коренного отличия благотворительности христианской от античной – полное отречение от себя, отказ от индивидуализма, фанатичное рвение. Это и отпугивало образованных граждан Римской империи от христианства. Можно вспомнить «бунт» императора Юлиана Отступника против христианства, воспитанного как раз в лоне этой религии, да и состав верующих в Вечном городе в III в. свидетельствует о том, что в него входили в основном иноземцы.

Однако процесс христианизации Римской империи со времен императора Константина (306–337 гг.) оказался необратимым. Можно говорить о взаимонастройке римских властей и церкви, а популярность новой веры среди рабов и «низов» была во многом обеспечена не только идеей спасения, но и продуманной благотворительной деятельностью.

Итак, как свидетельствует анализ Апостольских Постановлений, к III в. н.э. была конституирована христианская благотворительность, но существовала и достаточно развитая античная, о чем отцы церкви предпочитали умалчивать, и понятно почему – она же «языческая».

Поль Лафарг об этом рассуждал следующим образом: «Не христианство впервые дало миру идею благотворительности, да в этом и не было нужды: в городах древнего мира, за несколько столетий до Рождества Христова, благотворительность достигла пышного расцвета и практиковалась с таким милосердием и великодушной щедростью, о которой христиане никогда и представления не имели» [14. С. 16–17]. А дальше П. Лафарг обвиняет отцов церкви в неискренней партийности и «подобных им авторов, за которыми рабски следовали христианские историки и моралисты из мирян, чтобы утверждать, будто благотворительность возникла лишь в момент появления христианства» [Там же. С. 17].

И действительно, по мнению некоторых русских церковных историков XIX в., язычники (греки и римляне) не знали любви к ближнему, а в основе всего лежал эгоизм. Так, И.Д. Петропавловский пишет, что «богачи производили огромные денежные затраты на какие-либо сооружения в пользу города или государства из тщеславия, чтобы сделать свое имя громким или обессмертить его в истории» [15. С. 7].

В то же время этот историк восторгался обилием античных, языческих благодетелей.

Таким образом, анализ конкретных реалий в первые века нашей эры в Римской империи свидетельствует о наличии двух феноменов милосердия – греко-римском и христианском – параллельных системах благотворительности, поддержки тех же категорий населения. Но как повлияла античная система на христианскую при столь враждебном отношении христиан к римским властям, к ценностям греко-римской цивилизации?

Жить в обществе столь культурном, утонченном и быть совершенно независимым от него маловероятно, можно об этом влиянии только умалчивать, что и было сделано христианами авторами.

Ф.Ф. Зелинский по поводу влияния античных общественных и профессиональных структур писал следу-

ющее: «Милостыня была двоякого рода – по отношению к частным лицам и по отношению к общине, к которой христианин принадлежал. Последняя была видоизменением членских взносов коллегий, этих первообразов христианских общин» [1. С. 423].

Итак, можно говорить о некотором заимствовании христианами опыта практик античных коллегий, да и в целом «воздействие внешних форм этой культурной среды на жизнь церкви было особенно сильно» [Там же. С. 427].

А. Донини был абсолютно уверен во влиянии гностицизма на обрядовую и богослужебную традиции христианства [4. С. 140]. Возможно и влияние римской социальной политики, которая во многом носила благотворительный характер и была продолжена позднее римскими христианскими императорами.

Итак, в течение пяти веков античной эпохи происходила институционализация христианской благотворительности, на которую оказали сильное воздействие иудейские традиции (Ветхий Завет) и социальные практики греко-римского социума. Христианское милосердие – это синтез разных начал, а в итоге – продукт античной цивилизации, который до сих пор с некоторыми модификациями используется в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зелинский Ф.Ф. История античных религий. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 478 с.
2. Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков. Киев : Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1892. 214 с.
3. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. СПб. : Издание Н. Глаголева, 1907. 350 с.
4. Донини А. У истоков христианства. М. : Политиздат, 1979. 341 с.
5. Лукиан Самосатский. Сочинения : в 2 т. СПб. : Алетейя, 2001. Т. 2. 536 с.
6. Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М. : ЭКСМО, 2008. 960 с.
7. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. М., 1989. 1198 с.
8. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Архиепископа Константинопольского. СПб. : Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906. Т. 12, кн. 1, 2. 468 с.
9. Ермолина Я. Принципы благотворительности в ранней церкви // Релігія в Україні. URL: <http://www.religion.in.ua/main/history/9192-blagotvoritelnost-v-rannej-cerkvi.html> (дата обращения: 10.01.2014).
10. Блаженного Аврелия Августина Иппонийского епископа исповедания, заключающиеся в тринадцати книгах. М. : Типография компании Типографической, 1787. 571 с.
11. *Didascalía* Apostolorum (текст памятника в русском пер.) // Известия Томского Императорского университета. 1914. Кн. 55. 195 с.
12. Христианская беседа. Приложение к еженедельному духовному журналу «Пастырский собеседник». М. : Типография общества распространения полезных книг, 1893. Т. 2. 503 с.
13. Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. СПб. : Издательское общество Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1891. Т. 4. 472 с.
14. Лафарг П. Благотворительность. Одесса : Порядок, 1905. 40 с.
15. Петропавловский И.Д. Исторический очерк благотворительности и учения о ней в языческом мире, в Ветхом Завете и в древней церкви христианской. М., 1895. 120 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 31 января 2014 г.

THE ORIGIN OF CHRISTIAN CHARITY

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 68-75 DOI: 10.17223/15617793/381/11

Bykov Alexander A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aab56@sibmail.com

Keywords: Christianity; charity; ancient civilization; origins; principles.

Philosophers, historians and representatives of other areas of the humanities have long been interested in the genesis of charity as a socio-cultural phenomenon. As early as ancient times, authors such as Ennius, Marcus Tullius Cicero, and Lucius Annaeus Seneca studied the motivation, forms of activities, restrictions in this area, and the typology of philanthropists. However, charity was transformed by the change of eras, moral systems, and the level of civilization and socio-economic development. Even in ancient times two distinct stages in the development of philanthropy can be seen: Greco-Roman, i.e. pagan, and Christian. The emergence of Christian charity, the analysis of its sources, and the relationship with the Roman imperial society is the goal of this article. Nevertheless, the analysis of the phenomenon is complicated by the Christian tradition, the authors of which were silent about the Greco-Roman (pagan) charity, or felt, as a Russian church historian I. D. Petropavlovsky did, that it did not know love toward neighbors. Christian charity originating in the Roman Empire traveled a difficult path to institutionalization: from modest mutual aid within a few Christian communities to more extensive assistance to all in need regardless of their ethnic and religious origins, which helped increase the number of Christians. Pressure on the Christian church by the Roman authorities led to an increase in internal group solidarity, but not to hardening of the reference group boundaries. Christians were willing to help all fellow believers or those who called themselves such, Lucian of Samosata wrote. The

sacred texts of the Old and New Testaments, the Epistles, the Apostolic Creed and practical experience in the deeds of the ancient civilization including the activities of the Greek and Roman polities and boards are undoubtedly sources of Christian charity. The first form of charity was alms, which has a fairly ancient origin and was used in ancient Greece, in the classical period. However, the attitude toward it is very controversial. The principle of "blind" almsgiving charity was founded in the Gospels, but the opposite was stated in the Apostolic Creed: the principle of categorical almsgiving. The first principle prevailed in the future, giving rise to a class of professional beggars. And there were other forms of charitable deeds: feeding the poor, and caring for orphans, widows, the elderly, and prisoners. Therefore we can say that Christian charity, like Christianity itself, is a product of ancient civilization that is still used with some modifications in the modern world.

REFERENCES

1. Zelinskiy F.F. *Istoriya antichnykh religiy* [The history of ancient religions]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010. 478 p.
2. *Khristianskaya tserkov' i rimskiy zakon v techenie dvukh pervykh vekov* [The Christian Church and the Roman law in the first two centuries]. Kiev, Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo Publ., 1892. 214 p.
3. Renan E. *Marc Aurèle ou la Fin du monde antique*. Calmann-Lévy, 1882. (Russ. ed.: Renan E. *Mark Avreliy i konets antichnogo mira*. St. Petersburg, Izdanie N. Glagoleva Publ., 1907. 350 p.
4. Donini A. *Storia del cristianesimo*. Teti, 1975. 361 p. (Russ. ed.: Donini A. *U istokov khristianstva*. Moscow, Politizdat, 1979. 341 p.)
5. Lukian Samosatskiy. *Sochinenie: v 2 t.* [Lucian of Samosata. *Works*. In 2 vols.]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. Vol. 2, 536 p.
6. Brockhaus F., Efron I. *Illyustrirovanny entsiklopedicheskiy slovar'* [The *Illustrated Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, EKSMO Publ., 2008. 960 p.
7. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta. Kanonicheskie* [The Bible. The Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical]. Moscow, 1989. 1198 p.
8. *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta. Arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo* [Works of our Holy Father John Chrysostom. Archbishop of Constantinople]. St. Petersburg, The Saint Petersburg Theological Academy Publ., 1906. Vol. 12, Books 1,2, 468 p.
9. Ermolina Ya. *Printsipy blagotvoritel'nosti v ranney tserkvi* [Principles of charity in the early church]. Available at: <http://www.religion.in.ua/main/history/9192-blagotvoritelnost-v-ranney-cerkvi.html>. (accessed 10.01.2014)
10. *Blazhennogo Avreliya Avgustina Ipponiyskogo episkopa ispovedaniya, zaklyuchayushchiesya v 13 knigakh* [The Confessions of St. Augustine. In 13 books]. Moscow, Tipografiya kompanii Tipograficheskoy Publ., 1787. 571 p.
11. Didascalia Apostolorum. *Izvestiya Tomskogo Imperatorskogo universiteta*. Book 55, 1914. 195 p. (In Russian)
12. Khristianskaya beseda [A Christian conversation]. Supplement to *Pastyrskiy sobesednik*. Moscow, Tipografiya obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig Publ., 1893. Vol. 2, 503 p.
13. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, Izdatel'skoe obshchestvo F.A. Brokgauza i I.A. Efrona Publ., 1891. Vol. 4, 472 p.
14. Lafargue P. *Blagotvoritel'nost'* [Charity]. Odessa, Tipografiya "Poryadok" Publ., 1905. 40 p.
15. Petropavlovskiy I.D. *Istoricheskiy ocherk blagotvoritel'nosti i ucheniya o ney v yazycheskom mire, v Vetkhom Zavete i v drevney tserkvi khristianskoy* [Historical review of charity and teachings on it in the pagan world, in the Old Testament and in the ancient Christian church]. Moscow, 1895. 120 p.